

СТАНИСЛАВ КУНЯЕВ

САМАЯ ЖГУЧАЯ СВЯЗЬ

Я издавна знаю и высоко ценю творчество поэтов Кемеровской земли. Двадцать лет назад, посетив этот край, я познакомился сразу с целым поэтическим созвездием Западной Сибири – с Любой Никоновой, Николаем Колмогоровым, Александром Ибрагимовым, Виталием Крековым, Сергеем Донбаем, Борисом Бурмистровым. Все они стали моими младшими друзьями и авторами журнала “Наш современник”. К поэтическим сборникам Колмогорова и Донбая мне довелось написать предисловие. А теперь вот и Борис Бурмистров попросил меня быть редактором и составителем его книги.

“Жизнь прожить – не поле перейти”. И эту дорогу по бескрайнему полю поэт не прошёл бы, если бы не нащупал кровные связи с высшими обликами и явлениями жизни, и в первую очередь с прошедшим, настоящим и будущим поколением родных людей:

*В моём лице — морщинки прапрадеда,
В моём лице — улыбки праправнука,
В моём лице — крупинки прапрасвета,
В моём лице — полоски праправзвуча.*

С чем сталкивается человек, вступивший на край этого поля? В первую очередь, конечно же, с роковой неизбежностью работы, с библейским поведением: “В поте лица своего будешь добывать хлеб свой”...

*Что-то оплачено кровью и потом,
Что-то свалилось, как манна с небес.
И в одиночку, и с целым народом
Нёс я безропотно тяжкий свой крест.
Кто-то роптал, изнывая от тяжести,
Кто-то проклятья швырял в пустоту.
Тихие, тихие горести-радости
Следом плелись, подгоняя толпу.*

Картинами вечной народной трудовой страды заполнена рукопись Бориса Бурмистрова. Он не “соглядатай праздный”, не свидетель, а такой же, как все, соучастник земной, материальной, исторической мистерии, с достоинством несущий “бремя страстей человеческих”.

*Жил. И не просто ведь жил —
Завтрашний день предугадывал,
Я ли траву не косил,
Я ли стога не укладывал.
Я ли колодцы не рыл
И за работу в награду
Воды подземные пил,
Жадно впивая прохладу.*

Одним, чтобы “в поте лица своего” одолевать поле жизни — нужны более высокие цели, нежели кусок хлеба и глоток воды. Только в молодости можно рыть колодцы, метать стога, мыть золото в реках и ручьях Колымского края, одолевать просторы русских бездорожий без истерики и без проклятий, с терпением, без которого русские люди не построили бы страны.

*Распутица. Ташу сапог из глины,
Сезон осенних проливных дождей,
Заезженные русские равнины —
Храп лошадей и взмыленных людей.*

Как это всё знакомо нам, русским людям из простонародья, истинным поэтом которого я считаю Бориса Бурмистрова.

И каково ж было всем нам, детям этой стихии, понять то, что понял поэт в 90-е годы прошлого века и выразил в стихотворении “Нищета”, написанном рукой, до сих пор дрожащей “от тяжёлой колымской работы”.

*Пойдём, подруга нищета,
И дальше в поисках позора.
Кому предъявим мы счета
В дни всенародного разора?*

Не часто поэт бросает свой взгляд в мир социальных страстей, но все его строки, написанные на злобу дня, правдивы и убедительны. Если семьи, родные, родова для какого-нибудь умного немца всего лишь числа “дурной бесконечности”, то для нашего русского поэта — передача вечного тепла из ладони в ладонь, из губ в губы, из очей в очи. Тепло связует обрывки времён, заполняет провалы памяти, наполняет жизнь шумом родословного дерева,

*Это дерево вечно растёт.
Его корни в глубинах пространства.
В кроне, в листике каждом течёт
Кровь язычества и христианства.
Я листочек на ветке любви,
Все мы в мире и вечны, и тленны.
Дай-то Бог, чтобы в нашей крови
Не пропали великие гены.*

В эту кровную связь, в её пульсирующий круговорот естественно вплетены и живые картины, и вздохи родной природы.

*И холмы, и равнины,
И глухая тайга,
Скрип продрогшей осины,
И стога, и снега...
Это все мы с начала
И до смертного дня,
И кусты краснотала,
И речушка Иня,
Тихий шёпот ковыльный,
Звон колосьев литых,
И далёкий былинный
Голос предков моих.*

Это не “публицистическое разгильдяйство” (говоря словами Блока), чем частенько грешит патриотическая лирика, а таинственная сокровенная “скрытая теплота патриотизма”, о которой вспоминал Лев Толстой в “Войне и мире”. Эту скрытую теплоту поэт научился ценить и ощущать, потеряв многих своих родных и близких.

*Лодка печали причалила к дому.
Мы же не звали её, не просили,
Сел в эту лодку отец наш Василий,
Дочка Светлана, сынок — Василёчек,
Бабушка Дуня и сын её — лётчик,
Брат Анатолий и друг его странник —
Лодка отчалила, скрылась в тумане,
Лишь перевозчик махнул на прощанье
И оглянувшись, сказал: “До свиданья”.*

Стихотворение так и называется “Поминальное”. Сразу вспоминается “перевозчик-водогребщик” Александра Твардовского и великая человеческая мудрость, выраженная в словах “для Бога мёртвых нет”. Поэтому, наверное, и печаль поэта светла, а его стихи об ушедших похожи на глубокие вдохи и выдохи.

*В этот день я с вами, вы со мной —
Двери потайные открыты.
Здесь какой-то шёпот неземной
И цвета закатные разлиты.
(Из стихотворения “Родительский День”)*

Отцовство, материнство, братство — вот чувства, которые помогают нам не впасть в отчаянье, “переходя поле” жизни. А если ещё на свет пробился новый росточек, взамен сломанных житейской бурей, то и силы человеческие возрождаются вновь.

*Новый день теплом согреет
Ласковое солнышко.
Вырастай, сынок, скорее,
Маковое зёрнышко.
Поделюсь я всем с тобою,
Род наш крепкий, злаковый.
От ветров тебя укрою,
Стебелёк мой маковый.*

Перелистываю рукопись и везде нащупываю эти кровные связи — вены, артерии, сухожилия.

*Три женщины любимых на земле,
Три мотылька, светящихся во мгле.
За них готов молиться день и ночь —
Храни их, Боже: мать, жену и дочь.*

Жизнь, словно кинолента, сматывается в прошлое, и волшебное воспоминание всплывает в памяти седого мужчины:

*Из прошлого высвечен сердцем
Нетленный родительской дом,
В нём зыбка с кудрявым младенцем
Качалась под звёздным окном.*

И даже трагический образ родины, умытой кровью в октябре 1993 года, в жизни поэта совмещается с униженной женщиной-матерью:

*Родина — женщина русоволосая,
Милая, милая — нету милей...
Что же ты нынче нагая и босая
Кровь источаешь на груди камней.*

А когда исчерпаны все земные возможности, которые человек обретает в работе и в кровной связи, истрачены силы, данные нам природой для “перехода через поле”, то у каждого из нас остаётся золотой запас веры, наш последний, говоря словами Евгения Баратынского, “якорь, надежды символ”; вера – последнее средство от смертного греха, который называется отчаянием.

*Я снова загнан в угол...
Где тьма, где белый свет?
Но нет во мне испуга
И страха тоже нет.
Бывало и похуже,
Вы помните, друзья,
Как в наши души стужа
Вползала, как змея.
Но мы любовью жили,
Молитвою Творца,
И в стужу не остыли
Ни души, ни сердца.*

---

*Поздравляем нашего друга
Бориса Бурмистрова с 65-летием!
Желаем вдохновенья, читательской любви
и уважения со стороны собратьев по перу.*